

20.0(2)ЕТ КР
Л-99 - ФМО

СЛАВГОРОД

ИСТОРИЯ И ЛЮДИ

Александр Ляшенко
НА СТЕПНЫХ ПРОСТОРАХ

БЗ 3(2)Б1 КР +
Л-99 - ФМО

А.Е. Ляшенко

НА СТЕПНЫХ ПРОСТОРАХ

Страницы истории поселка Первомайский

(Литературная запись и подбор архивных документов
П.Э. Фица)

Барнаул
2013

ЦБС г.Славгорода	Центральная городская библиотека ул.Луначарского, 144
---------------------	---

ФМО г. Славгород	Обязательный экземпляр
---------------------	---------------------------

86902-2

муниципальное бюджетное учреждение культуры "Централизованная библиотечная система города Славгорода"
--

Сердечное спасибо Петру Эммануиловичу Фицу за литературную запись, поиск и предоставление архивных и иных документов и материалов к моим воспоминаниям.

Искренне признателен генеральному директору ОАО «Славгородская типография» Анжелике Викторовне Ляпиной и технологу Евгении Михайловне Михеевой за оказанную помощь в компьютерной верстке моей книги.

Спасибо преподавателю Славгородского педагогического колледжа Татьяне Сергеевне Прохоренко за художественное оформление обложки книги.

Л 99 Ляшенко А.Е.

На степных просторах. Страницы истории поселка Первомайский. (Литературная запись и подбор архивных документов П.Э. Фица). – Барнаул, 2013. - с. 174.

Автор книги воспоминаний Александр Евдокимович Ляшенко – фронтовик, потомок переселенцев-украинцев, которые обосновались в глубине Кулундинской степи еще в XIX веке. В мемуарах повествуется о этапах образования, становления и развития поселка Первомайский и местного колхоза. Автор рассказывает о своей жизни, работе в сельхозартели, участии в Великой Отечественной войне, о сельских буднях 40-х - 60-х годов прошлого столетия. В книге широко используются архивные материалы, отражающие некоторые страницы истории поселка и колхоза «Первомайский пахарь», а также бывшего Знаменского района.

ББК 63.3(253.37)6
Л 99

© А.Е. Ляшенко, 2013

*Александр Евдокимович Ляшенко,
участник Великой Отечественной войны.
9 мая 2013 года. Славгород. Митинг, посвященный Дню Победы.*

ПРАВДА ЖИЗНИ

Самые искренние и правдивые воспоминания всегда принадлежат простым людям, не обремененными идеологическими штампами, политическими рамками. А когда эти думы о минувших днях принадлежат крестьянину – значит это настоящая правда о жизни. Александр Евдокимович Ляшенко – потомственный хлебопашец. На земле прошла жизнь всех его предков. Он бегал ребенком в поле и видел, как косят хлеба его дед и отец. Подростком ходил за плугом, убирал зерно. И он знает истинную цену пшеничному зернышку и ломтю хлеба.

В 17 лет колхозный паренек стал солдатом Красной Армии. Ефрейтору Александру Ляшенко не исполнилось еще и 18 лет, когда он принял первый бой с фашистскими захватчиками. А свое 18-летие он встретил в военном госпитале, где оказался после тяжелого ранения. День Победы участник Великой Отечественной войны А.Е.Ляшенко встретил в родном поселке Первомайский, который затерялся на степных просторах Кулундинской равнины.

Фронтовик, преодолевая боль от еще незажившей раны, включился в посевную кампанию, в битву за большой хлеб. Ему всегда доверяли, знали, не подведет, были уверены, что все сделает в лучшем виде. Был он счетоводом и учетчиком, а в каждую страдную пору - пахарем и косарем. Избирали Александра Евдокимовича секретарем и председателем сельского Совета – это далеко не эпизод в трудовой биографии. В 1956 году он стал шофером и за баранкой автомобиля провел десятки лет, считай, до самой пенсии.

Скептик заметит – что особенно, таких тысячи. Да, тысячи, даже миллионы. Да, один из тысяч, но весомость тысячи или миллиону придают не нули сзади, а значимая цифра вначале. Крестьянин, фронтовик, шофер Александр Евдокимович Ляшенко именно такой значимый человек, правофланговый в боевом взводе на войне, оплот и опора в семейном кругу, в рабочем коллективе. Он из тех, кто не боится быть впереди - в атаке, в жатву, на трудном пути.

Случайность это или нет, но я давно знаком с сыном А.Е.Ляшенко – Василием Александровичем. Будучи преподавателем физического воспитания в Алтайском техникуме механизации учета В.А.Ляшенко работал вместе с моим отцом, заместителем директора техникума по административно-хозяйственной части. Я же в свое время работал в совхозе «Украинский», где трудился и Александр Евдокимович. Так переплелись наши пути-дороги. Именно во время одной из встреч с Василием Александровичем созрела идея записать из уст Александра Евдокимовича историю поселка Первомайский для краеведческого журнала «Минувшие дни». К сожалению, из-за финансовых проблем номер уже сверстанного журнала со статьей А.Е.Ляшенко «Единоличники» так и не вышел в свет. Но «Единоличники» дали толчок к продолжению воспоминаний ветерана войны и труда об истории родного поселка.

С величайшим удовольствием помогал Александру Евдокимовичу в работе над воспоминаниями о крестьянской и колхозной жизни. Его повествования о прошлом увлекали. Это были не просто рассказы о былых событиях, о неизвестных и малознакомых страницах истории поселка Первомайский, колхоза «Первомайский пахарь», Знаменского района. Это были частички судеб многих его односельчан и его личная судьба.

Одна глава крестьянских мемуаров следовала за другой, и каждая была насыщена десятками имен земляков Александра Евдокимовича, некоторыми статистическими данными о производственных результатах и хозяйственных достижениях колхозов и района, взятыми из архивных фондов. Когда мы читали заметки давних лет из местной газеты «За большевистские колхозы», то Александр Евдокимович моментально комментировал события, дополнял эпизодами из жизни того времени, рассказывал о некоторых подробностях трудовой деятельности и биографий героев газетных публикаций. Хорошим подспорьем стали архивные документы, статьи из краевой газеты «Советская Сибирь». Неспешные, продуманные, логически выверенные рассказы Александра Евдокимовича легко ложились на бумагу. Буквально небольшая литературная доработка и добавление архивных и иных сведений, а затем повторный просмотр записи со стороны автора, - и очередная глава книги воспоминаний завершена.

Конечно, наши беседы не ограничивались рамками намеченной книги, часто говорили о насущных проблемах, отвлекались на посторонние темы, но они становились своеобразными изложениями взглядов автора на жизнь вчерашнюю и сегодняшнюю.

В один из визитов попросил Александра Евдокимовича показать его награды. Орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль Жукова, юбилейные медали к 20, 30, 50, 60 и 65-летию Победы, юбилейные медали к 50, 60 и 70-летию Вооруженных Сил СССР, юбилейная медаль к 65-летию освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков – свидетельства участия А.Е.Ляшенко в Великой Отечественной войне. В 1957 году Александра Евдокимовича наградили медалью «За освоение целинных земель», в 2004 году – краевой медалью в ознаменование 50-й годовщины начала освоения целинных и залежных земель на Алтае.

А.Е.Ляшенко – украинец по национальности, вся его жизнь прошла в кругу родного народа, рядом с представителями других этнических групп, населяющих Алтай. Здесь в суровой Сибири разные народы сблизилась в совместной трудовой деятельности, отсюда шли на фронт знаменитые сибирские дивизии, отстоявшие столицу нашей Родины, внесшие громадный вклад в общую Победу над фашизмом. Александр Евдокимович не скрывает свою любовь к родному языку, украинской песенной культуре, фольклору. Эта гордость за свои национальные корни соседствует с великим уважением к русским и немцам, казахам и армянам, к другим людям, с которыми сводила его жизнь. И это тоже его богатство.

Книга воспоминаний А.Е.Ляшенко насыщена большим количеством цифрового материала – экономическими, производственными показателями, а также историческими фактами. Они включены в мемуары намеренно, дабы помочь молодым исследователям в их краеведческой работе. Уверен, воспоминания Александра Евдокимовича Ляшенко дадут начало публикациям о прошлом населенных пунктов городского округа и Славгорода.

Пётр ФИЦ,
член Союза журналистов России.

Глава I. ЕДИНОЛИЧНИКИ

ВЫСЕЛОК ПЕРВОМАЙСКИЙ

Временем основания теперь уже несуществующего поселка Первомайский значится 1926 год. Перепись, которая проходила в тот год, отразила следующие статистические данные. Дворов (хозяйств) – 37, численность населения – 223 человека, из которых мужчин 122, женщин – 101. Преобладающая национальность жителей – украинцы. Расстояние от окружного центра г. Славгорода – 53 км, от районного центра с. Знаменки – 11 км. Объекты социальной сферы отсутствуют. Род населенного пункта – выселок.

Для нас привычнее читать село, деревня, поселок, хутор. Почему выселок? Все объясняется просто. В соответствии с декретами и прочими законодательными актами Советской власти крестьянство в 20-х годах, когда ушла в историю гражданская война, стало полноправным хозяином земли. Выделялись угодья сельскохозяйственного назначения, исходя из количества мужских душ в семье. Знаменка в ту пору была довольно крупным селом. Основали ее переселенцы-украинцы из южных губерний России еще в 80-х годах 19-го века. Резко увеличилось население села в период столыпинской аграрной реформы, а затем во время первой мировой войны.

Нарезать новые наделы земли приходилось все дальше от Знаменки. Тогда-то, в середине 20-х годов, и было принято решения выселять владельцев земельных участков ближе к их личным полям. Дело было не насильственное, добровольное и даже с соответствующими льготами. Приведу полностью информационную заметку из газеты «Советская Сибирь» № 107 от 12 мая 1926 года. «Советская Сибирь» была официальным органом Сибирского крайкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и краевого исполнительного комитета Советов.

Для бедняцкого надела

(Землемер и гидротехник бесплатно)

Сибземам издана новая инструкция о порядке использования государственных средств, отпускаемых на землеустройство бедняков.

Во 1-х, на эти средства должен содержаться особый штат землемеров, землеустройствающих бедняцкие земли, которые учтутся в особую площадь, распределяемую по округам Сибири.

При работе на этой площади, в первую очередь, должны проводиться:

- межселенное землеустройство,
- отвод земли коллективам,
- разбивка многодворных селений на мелкие земельные объединения,
- выдел земли выселкам и части селений,
- разбивка на поля для многопольного севооборота,
- разбивка на отруба,
- земельная регистрация.

Штат гидротехников также должен содержаться на эти средства.

Безвозвратные пособия выселяющимся на выселки будут выдаваться на:

- перенос построек,
- обводнение новых усадебных мест,
- устройство грунтовых дорог,
- раскорчевание леса.

Пособия получают только групповые расселения. Если сооружениями, строящимися на отпущенные средства, будут пользоваться не одни бедняки, а зажиточные и средники - государство даст только те средства, которые падают на долю бедняков. Остальная часть относится за счет более зажиточных выселившихся.

Вся помощь выселенцам - только натурой, через кооперативы, куда земорганы будут выдавать особые ордера.

Таковой была государственная поддержка крестьянам, пожелавшим переехать в выселки, поближе к своим земельным наделам.

Так появились на карте Славгородского уезда и округа новые населенные пункты – выселки. Среди них - Первомайский, а также Преображенка, Даниловка, Софиевка и другие.

Первомайский в массовом порядке заселяли весной-летом 1926 года. Хаты возводили из пластов дерна, отчего эти землянки и получили название пластанки. В строительстве использовали жерди, лозу, камыш, солому, глину. Среди новоселов было немало родственников, народ друг друга хорошо знал, многие дружили с юности и даже детства, поэтому в постройке жилья помогали всем миром. Это официально Первомайский назывался выселком, а для его жителей он был родной деревней. Наверное, еще и оттого, что на новое место все приехали одновременно, всем поселком сообща строились и готовились к долгой и суровой зиме, в Первомайском сложилась дружная сельская община. Быстро все свыклись, общались каждодневно.

В тот первый год существования поселка появились на свет Божий и

первые дети, рожденные в Первомайском. Это Василий Харитонович Васильченко, Сергей Денисович Козаренко и я, Александр Евдокимович Ляшенко. В поселке радовались доброй примете – родились одни мальчики, будущие хозяева земли, хлебопашцы.

СВОЯ ЗЕМЛЯ

Жили в Первомайском сплошь единоличники. До создания в начале 30-х годов колхоза «Первомайский пахарь» не объединялись крестьяне ни в артели, ни в коммуны, ни в товарищества по совместной обработке земли. Каждый трудился на своем наделе. Количеству мужских душ в семье соответствовала и площадь земельного участка.

У моих родителей, которым исполнилось по 20 лет, я был первенцем. В подворье отца имелась лошадь и дойная корова, десяток кур. Это было рядовое хозяйство в поселке. По имущественному положению в Первомайском проживали бедняки и середняки. Порядка четверти дворов не имело лошадей. Основная масса единоличников держала одну лошадь. Зажиточные середняки имели и по 5 лошадей, а также несколько коров, свиней, овец, различный сельхозинвентарь – лобогрейку, сенокосилку, веялки, двухлемешный плуг.

Например, дедушка моей супруги Кирилл Лоза создал своим трудом и при помощи четырех сыновей крепкое хозяйство, ибо земельный надел был внушительный и позволял выращивать солидный объем зерна на хлеб и на фураж. Чтобы обрабатывать пашню содержали несколько лошадей. При уборке зерновых в лобогрейку запрягали трех лошадей, и для сенокосилки требовалась тройка добрых коней. От сохи крестьяне уже отошли. Вспашку вели однолемешным плугом. Для этой работу в качестве тягловой силы нужны были четыре лошади, дабы поглубже подрезать землю, чтобы сорняк не забивал пшеницу, овес, рожь. Единоличники покрепче для пахоты использовали двухлемешный плуг, куда также запрягали четверку коней. Такой плуг стоил намного дороже, но был, разумеется, производительнее. По обыкновению для вспашки зяби крестьяне кооперировались или собирались вместе братья и близкие родичи. Договаривались об условиях работы, очередности. Начинали там, где уже убран урожай, где земля подсохла после осенних дождей, а где поля влажные – пахали чуть позже. Дабы своевременно поднять зябь, часто нанимали односельчан, которые располагали в достатке тягловой силой и сельхозинвентарем. За осеннюю вспашку рассчитывались частью урожая. Что не успели вспахать осенью, перекладывали на весенние дни.

Батрачество или наем работников в нашем поселке не практиковались, и классовых противоречий не наблюдалось. Все друг друга хорошо знали, каждый имел достаток, соответствующий труду и способностям, а поэтому никого не гнодала черная зависть. Люди больше уважали крестьянина, добившегося благосостояния за счет своего труда, чем завидовали ему. Все мужики и бабы вкалывали от зари до зари, честным и праведным трудом наживали добро, укрепляли и расширяли хозяйство, берегли каждую копейку.

Бытует мнение, что зимой крестьянину делать было нечего. Враки все это. Мой отец владел сапожным мастерством, и всю зиму оно было его дополнительным заработком. Шил красивые сапожки женщинам, добротные – мужчинам. По 2-3 недели пропадал в Суетке, Знаменке, других крупных селах, где выполнял заказы. А сколько времени у него уходило на изготовление кожи, дратвы. Нет, крестьянин зимой на лавке не пролеживал бока и не бил баклуши или пьянствовал. Кто-то был плотником или столяром, шорником или кузнецом, знал иное ремесло и работал короткими зимними днями и длинными вечерами.

Настоящим бизнесом была продажа зерна. Жили в поселке мужики с купеческой жилкой, которые знали рынки сбыта продукции, цены на хлеб, могли торговаться. Во главе с такими сельчанами формировался хлебный обоз из десятка саней и по зимнику зерно везли в Славгород, в Павлодар или в Камень-на-Оби, где цены были повыше. Даже путь в Славгород занимал полдня. Останавливались на ночлег в постоялом дворе. Лошадей определяли в конюшню, а крестьяне отдыхали на полатах типа нар в специальной комнате. Постоялых дворов в Славгороде было много, каждая деревня округа имела свое пристанище. Хозяину постоялого двора за услуги привозили пшеницу, овес, сено, продукты питания. Обратным грузом закупали сельскохозяйственный инвентарь, скобяные изделия, строительный материал, ткани и прочие промышленные товары, сладости детям, соль, сахар... Дома женщины шили себе обнову, рубахи и брюки на выход мужчинам, одежду детям. Основную сумму вырученных от продажи зерна денег копили для приобретения лошадей, другого домашнего скота. Именно так, трудом и добрым урожаем, крепили единоличные крестьянские хозяйства. Нельзя сбрасывать со счетов, что климат в Сибири, зоне рискованного земледелия, - коварный, случались неурожайные годы, и тогда крестьянам приходилось туго. Нет фуража – не то, что поросенка, курочку не прокормишь. В засуху и сена не накопишь.

С весенних полевых работ и до жатвы хлебов включительно крестьянин отдавался своей земле. В зависимости от погодных условий в поле

выходили в апреле-мае. Вели закрытие влаги, боронование. Сеяли зерновые культуры в течение декады, от силы полумесяца. До 20 мая, по обыкновению, с севом заканчивали, а кто сеял после 25 мая считался лодырем. Позже уже по пословице: июнь – хоть сей, хоть плюнь. Сразу после посевной готовились к сенокосу. Раскачка – не больше недели. Сенокос длился все лето. Косили, что дала природа. Начинали с гривных мест, возвышенностей, где разнотравье поднималось раньше. Сенокосилкой траву ложились в валки быстро. Подсохнет – вывозили на сеновал себе и хозяину сенокосилки. Неудобицы мужики выкашивали литовками. Грубый корм на зиму скотине получался калорийным. Когда косили естественные луга, на которых рос пырей, обвитый березкой, сено было замечательным. Его умело подвяливали, подсушивали на солнце, оно оставалось и зимой зеленым, обладающим чудным запахом и без остатка поедалось скотиной. Этот неповторимый аромат сена радовал душу не только взрослых, но и нас детей. Мы любили пропадать на сеновале, валяться на сене.

Конечно, жатва, ожидание и подготовка к уборке урожая имели в крестьянской жизни особую значимость. Коли хлеба уродились – мужики довольные, от них веяло силой и уверенностью, а женщины были полны радости, гордости за мужей, счастья, что семья будет в достатке. Многие зависело от сноровки крестьян, погодных капризов, но выкладывались в жатву все – от мала до велика. Да, являлись единоличниками, но всегда готовы были помочь друг другу. Подсобляли бескорыстно. Когда требовалось максимально спешить с косовицей зерновых, нанимали состоятельных односельчан, у которых имелась лобогрейка. За работу расчет велся зерном и никакой обдираловки не замечалось.

В те времена у сельской страды были свои особенности. Урожай начинали собирать до фазы полной спелости зерна, дабы оно не начало осыпаться. Жатва разделялась на собственно косовицу, жнивье, в период которой ставили копны, затем копны скирдовали. Потом постепенно вывозили на ток или в овины на «дозревание». Там уже непосредственно шла молотьба.

Женщины, подростки занимались обмолотом зерна. Настоящие вялки были далеко не у каждого, их арендовали на денек-другой, чтобы как можно больше пропустить зерна. У многих имелся фуфтель – та же вялка, но без решета. Зерно продувалось воздухом, ветром и падало на землю. Такой процесс очистки и сушки зерна вели крестьяне испокон веков. Уже ядреным оно засыпалось на хранение. Особое внимание уделяли отбору и закладке семян. Это был воистину неприкасаемый запас любого хлебороба. Его берегли как зеницу ока. Для сортировки семян использо-

вали триер, который представлял собой барабан, обтянутый жестью. В жести пробивались дырочки различного диаметра, получался примитивная сортировка. В колхозах триеры находились в ходу до 50-х годов. Так что уборка урожая длилась весь конец лета, всю осень и часто вплоть до зимы. Таким образом крестьянская жизнь шла из года в год, из поколения в поколение. Так продолжалось и в 20-е годы минувшего столетия.

Неправда, что крестьянство не приняло Советскую власть. Наоборот, она дала хлебопашцам землю, обеспечила правопорядок и не вмешивалась в их уклад жизни. Налогообложение земледельцев было вполне приемлемым. Не стоит идеализировать прошлое, крестьянин жил тяжело. При неурожае на помощь рассчитывать было не от кого, тогда наступал голод, страшное бедствие крестьянской страны.

Крестьянин жил матушкой-землицей, у которой везде свой извечный порядок. Надел ни на пядь не усколет вперед, не отстанет ни на сажень. Траве свой срок, и колос вовремя нальется. Крестьянин за зря и лопатой не копнет, косой не взмахнет, и ветку не обломит, листок не оборвет, коли знает, что быть тут ущербу: он хозяин на земле, она его кормит, она - его жизнь. Земля – все. Твердь создана Богом для человека, дабы трудиться на земле и вкушать плоды ее. В нашем украинском поселке и приметы все на земле и с землею связаны, и поверья, и песни, и радости, и праздники. И горе крестьянское тоже землей пахнет. Суровая Сибирь с его коротким летом требовала особо привередливого, заботливого, трепетного отношения к земле. Упустишь срок – в длинную морозную зиму останешься на бобах.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

Важным подспорьем в деревне было домашнее подворье. Среди бедных крестьян были и безлошадные, но корову-кормилицу держала каждая семья. Половина дворов не имело свиней и овец. Обычно это касалось хозяйств, где земельный надел был невелик и на фуражное зерно не рассчитывали. Поросенка же без наличия размола не вырастить. Кстати, и поголовье птицы у большинства крестьян ограничивалось десятком кур-несушек. Гусей и уток и вовсе в нашем поселке никто в те годы не разводил. Семьи по составу были разные. Мои родители только поженились, я у них был первый ребенок. Поэтому молока и масла хватало от одной дойной коровы. А если в семье десять человек? Хлопцы и дивчины на выданье, малые детки? Там в коровнике стояло и 4, и 5 буренок. Одним словом, количество скотины и птицы зависело от числа едоков. Чем боль-

ше семья, тем больше во дворе коров, кур, другой живности. В среднем семья состояла из 4-6 ребятишек плюс взрослые, но были и многодетные семьи, где воспитывали и более десяти детей.

Вне всякого сомнения, лошадь и корова занимали особое место в жизни крестьянина. С наличием лошади крестьянская семья могла обрабатывать землю самостоятельно. Лошадь слыла неким символом самодостаточности, гордости. Поэтому к ней относились ответственно, с величайшей заботой. Мужчины могли вести разговоры о лошадях бесконечно. У меня еще с детства такое впечатление, что лошадь и человек извечно существовали вместе, рядом. Из животного мира никто не стал так близок и дорог человеку как конь. Доверчивостью и преданностью, нравом и тонкостью чувств, красотой и статью. А эти умные, понимающие и благодарные глаза коня. Как утверждают ученые, у человека и лошади схожие биоритмы. Да что там мудреные научные изыскания. Судьбы у них одинаковые: от хлебной нивы, где человек работает, как лошадь, и до ратного поля, где они, воин и боевой конь, побеждали врага и погибали вместе.

Конечно, лошадь – существо привередливое. Для нее нужно и она любит светлое, просторное, проветриваемое помещение. Крестьянская конюшня не всегда удовлетворяла этим требованиям, но мужики стремились создать коню необходимые и нормальные условия. Подстилку из соломы меняли часто, чистили стойло от навоза тщательно. Непременно и каждодневно лошадь чистили щеткой или жгутом соломы. Мальчишки стремились помочь отцу и просили разрешения почистить лошадь. Позволил отец – большое доверие, а если дал поручение управиться в конюшне – это уже награда. Летом лошадей «купали». У нас водоема поблизости не было. Из колодца с утра доставали воду, а вечером обливали коня водой и одновременно чистили щеткой. Но такое купание не было частым в отличие от мытья копыт и ног, такую процедуру стремились делать каждый день.

В рационе кормления лошадей кроме овса, который очень легко усваивается животным, давали и пшеничные отруби. Из отрубей, размешивая их теплой водой, готовили кашу. Давали также дробленку из других злаков, смешанную со жмыхом. Главное же было накопить вдоволь лугового сена. Хорошо поедалась лошадьми овсяная солома и мякина. Солону частенько измельчали, затем запаривали и добавляли отрубей для вкуса. Не отказывались лошади и от моркови, картофеля, свеклы. Лошадь пьет исключительно чистую воду. Поэтому и корнеплоды всегда основательно мыли. Поили же лошадей трижды в сутки и обязательно перед

кормлением. В колхозную пору в поле, где шла вспашка или другие работы на лошадях, вывозили бочку с доброкачественной водой, которую пили и животные, и люди. С ранней весны, когда прорезалась первая зелень, и до поздней осени нет для лошади лучшего корма, чем пастбищная трава. Коней у нас в деревне не спутывали, они и так никуда не уйдут, но за табуном следили.

Мне довелось в отрочестве и юности работать на лошадях. Знаю их пугливость. Поэтому, подходя к коню, уже издали окликал его. И нельзя подходить к лошади сзади: можешь запросто получить копытом в лоб и хорошо, если не окочуришься. Меня научили и по-другому мы и не мыслили: с лошадьёю надо обращаться ласково, спокойно, с любовью.

Корова же была и будет семейной кормилицей. За ней больше следила и ухаживала женщина. Создавался своеобразный ритм жизни хозяйки и буренки. Строго в определенное время надо подоить, накормить и напоить. Корова более неприхотливая к корму, нежели лошадь. Однако для жирного молока и солидного надоя требуется добротное сено, дробленка и отруби, корнеплоды, а летом хороший травостой на пастбище. Когда корова стоит стельная, тут уж женщины находили с ней общий язык, ибо требовался особый пригляд. Заботливая хозяйка не ленилась лишний раз заглянуть в сарай, погладить, поговорить с кормилицей. А животное все ведь понимает, мычанием высказывает свою благодарность и тревогу. Отел – беспокойные часы для хозяев, тут уж от сарая далеко не уходят, ежеминутно заглядывают, чтобы вовремя помочь буренке, а когда теленок облизан, его укутывают и заносят в дом. Недельку малыш находится в избе, становясь любимцем детворы.

Гордостью любой хозяйки являлся огород, ее вотчина. Приусадебный участок каждого крестьянского двора в поселке был немалый – порядка 80 соток. И структура огорода у всех была примерно одинаковая. В дальней части огорода сеяли коноплю. Ее выращивание, а затем обработка шла по строго определенной технологии. Как только созреет, ее вырывали, соответствующее время мочили в снопиках, затем перебирали, сушили, мяли, терли и, в конце концов, вырабатывали волокно. На прялке пряли и получали крепкие нити. Из этих ниток ткали рядно, изготавливали полотняные дорожки на земляной пол, шили скатерти, покрывала, рабочую и повседневную одежду. Применяли конопляное полотно даже при пошиве женских ночных рубашек. Для верхней части ночнушки брали обыкновенную льняную ткань, а для нижней – конопляную. Конечно, полотно получалось грубое, колючее, однако на каждый день оно было вполне подходящим, носким и крепким.

После конопляной деланки высаживали картофель. Он занимал основную площадь огорода. Между картофельными рядками сеяли мак и подсолнечник. Мак шел на стряпню, а семечек собирали столько, что хватало бить растительное масло и лузгать их всю зиму.

Что такое деревенские огороды в пору цветения картошки, мака, подсолнуха? Прелесть неопишуемая. Море цветов без конца и края, волнующееся, колышущееся, переливающееся всеми оттенками радуги при небольшом ветерке. Уверен, от этой дивной и чарующей красоты мужчины и женщины, начинающие свой день с утренней зари, получали огромный заряд божественной энергии, бодрости, работоспособности. Это летнее цветение приносило незабываемые мгновения счастья, радости жизни, уверенность и веру в лучшее будущее. Эта природная красота даровала здоровье, пробуждала любовь, а в душе православного человека невольно рождалась молитва.

Ближе к хате шли грядки и лунки овощей. Выращивали в каждом приусадебном огороде свеклу и морковь, капусту и репу, огурцы и помидоры, горох и фасоль, горький перец и тыкву. Стройными рядами стояла кукуруза. Обязательно и много оставляли кустов паслена. Ягод, ранетки не было и в помине. Землянику в поле собирали ребятишки и сразу ее съедали. Кто постарше - нарвет в лукошко, мать дома налепит вареников или пирожков поджарит. На зиму землянику никто не заготавливал в отличие от всеми любимого паслена. Летом к маме подойдешь: кушать хоч. В ответ: возьми хлеба да под куст пасленовый садись кушать.

Картофеля, моркови, свеклы, репы заготавливали много. Клубней хватало на всю долгую зиму и скотину еще ими подкармливали. Квасили капусту, солили огурцы и помидоры. Зимой большую миску с соленьем отец достанет, картошку мать сварит, а они, огурчики хрустящие, помидоры объедение, капуста вкусная. Стол, что престол. Морковь, свекла, репа, тыква – да в них витаминов было хоть отбавляй. Что говорить – питались скоромно. Мясо ели только по праздникам. Но недостаток овощей, их полезность позволяли крестьянской детворе расти крепкими и здоровыми, мужчинам иметь силы для тяжелого труда, а женщинам рожать и кормить материнским молоком любимых детей. И хворали раньше намного реже, лечились травами, горячим молоком, разными морковными, тыквенными и свекольными соками, репой, прочими отварами.

Крестьянская изба, наша украинская хата, землянка переселенца, родительский очаг, отчий дом. У людей старшего поколения это святыне понятия. Их невозможно вырвать из сердца, изъять из памяти. Это тепло, которое согревает душу всю жизнь. Самые радостные и счастливые ми-

нуты, часы, дни прошли в родительском доме. Вспомнишь давно прошедшие годы - и сразу всплывают образы матери и отца. И чтобы не говорили, но родители, их любовь осеняют человека до последнего вздоха. Даже уйдя в мир иной, они остаются рядом с тобой. Только им можно доверить самое сокровенное, просить совета. Прислушаешься к своему сердцу – услышишь нежные и добрые слова матери, почувствуешь твердый взгляд отца, его верные наставления. Родительский очаг не только обогревал, кормил, но и закладывал духовные ценности, национальные традиции, народные обычаи, нормы приличия и поведения, воспитывал.

Крестьяне очень дорожили своим домом. Хаты в нашем поселке соответствовали времени, возможностям. Все в доме делалось своими руками. Порой, когда начинали строить землянку, в чем-то помогали родственники, друзья. Помогали ведь от чистого сердца, строили с радостью, с задором, с песней и веселыми прибаутками.

Внутреннее убранство, простое и нехитрое, делалось родительскими руками. Хаты практически у всех были одинаковыми. Конечно, у больших семей имелось по две жилые комнаты, они были более просторными. Наш дом был попроще. В большой комнате проживала вся семья, в красном, переднем углу висела икона, в центре стоял стол. У родителей была самодельная кровать, у детей полати, лавки. Из сеней шли двери в кладовую и сарай.

Топливом для печи, которая, естественно, использовалась и для обогрева и для приготовления пищи, служили кизяк, толстые стволы бурьяна и полыни, солома. Кизяк заготавливали все лето, и этим занимались дети и подростки. Выходили на пастбище и собирали чуть подсохшие коровьи «лепешки». Дома их обмазывали свежим коровяком и складывали под небольшой навес. Обмазывали кизяк, чтобы под дождем или заносами снега он не промок.

Зимы в те времена были и долгими, и снежными, и морозными. Когда разгуляется буря или метель, избы заносило снегом по самую крышу. Оттого и открывались двери вовнутрь, чтобы выбраться из хаты и заняться откидыванием снега от дома к скотному двору.

Крестьянский двор, когда детей становилось больше – пять, а то и десять сыновей и дочерей, изменялся, обустроивался. Дом все больше использовался чисто для жилья. В нем уже не было сарая, кладовая превращалась в небольшой чулан. Зато появлялся скотный двор с постройками: тут и конюшня, и коровник, и кошара, и место для свиней и птицы, а также хороший сеновал.

В каждом дворе крестьянина-единоличника возводили клуню. Это нечто похожее на огромный шалаш. С крутой крышей из камыша и соломы,

дабы в дождь вода стекала и не попадала вовнутрь. В клуни хранили весь сельхозинвентарь. Из толстых досок сколачивали вместительные ящики-лари, они поднимались на полметра от земли. В эти закрома ссыпали просушенное зерно. Амбаров из бревен первое время в поселке никто не мог построить. Состоятельные крестьяне делали более добротные и просторные клуни с использованием жердей. Получалось что-то похожее на амбар.

На каждой усадьбе выкапывали колодец. У нас во дворе его глубина была три с половиной метра, у кого-то в поселке доходило до 5 метров. Воду доставали веревкой, на колодезный сруб ставили коловорот. Кое-где черпали воду с помощью журавля. Много воды шло скоту, особенно много воды требовалось летом для полива огородных овощей.

В первые же годы по обеим сторонам улицы посадили тополя. Стояли они ровно, через определенное расстояние, словно часовые в почетном карауле. Они росли быстро, вымахали уже к 30-м годам высокими и стройными, от них не было пуха. Поселок обнесли рвом, оставив места под дороги и въезды в крестьянские дворы.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Уклад крестьянской жизни вбирал в себя не только способы ведения хозяйства, в которых основой была земля, но и обычаи, религиозные устои. Крестьянин ощущал себя частицей природы, частью Божьего творения. Он естественным образом жил в гармонии с окружающим миром. У крестьян, обитавших еще в начале прошлого века замкнуто, сельской общиной, складывалась своя философия жизни, и она была гуманная и смиренная, поклонялась труду, чтит заботу и доброту, возвышала любовь и преданность, взывала к правде и справедливости. Это крестьянское мышление отражалось в работе, в семейной жизни и воспитании детей, в общении друг с другом, помогало переносить тяготы и беды, радовало в праздники.

Народ в Первомайском, в основном, был неграмотный или малограмотный. Исповедовали все православную веру, и ни о каких сектах и прочих отступниках не ведали. Отче наш, другие молитвы знали с детства. Церкви в нашем поселке не было. Венчаться, креститься ездили в Знаменку. Читли все религиозные праздники, но самыми значимыми и любимыми были Рождество, Пасха, Троица, Крещение.

Новый год отмечали по старому стилю. Настоящим весельем была Масленица. Не отвергали и советские красные дни календаря – 1 Мая и годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Го-

сударственные праздники выпадали в удачное время года. Первой – в канун весенних полевых работ, а 7 ноября завершалась уборочная страда, хлеб уже находился в закромах, скот содержался в сараях. По обыкновению, в последний осенний месяц уже ложился прочно снег и начинались морозные дни.

Из всех праздников наиболее торжественными и важными были и, пожалуй, остаются Рождество Христово и Пасха. К ним готовились заранее. Приберегали самое вкусное – колбасу, мясо, сладости, яйца, белую муку. Хозяйки колдовали у плиты, дабы постряпать праздничную сдобу, пироги, что-то особенное, любимое в семье. Коли совсем бедно жилось, не стеснялись попросить продуктов у соседей, кто богаче, и отказа никогда не следовало. Да женщины и сами ведали, кому надо помочь и дарили от чистого сердца, понимая, что совершают богоугодное деяние.

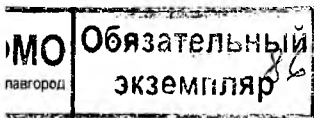
Украинцы любили петь, плясать. Колядовали и стар и мал. Угощали друг друга и особо ребятню. Великий праздник Рождества Христова озарял радостью и светом лица и души крестьян. Но никто и никогда в нашей деревне не злоупотреблял горилкой. Находились навеселе, но чтобы пьяным – упаси Господи. Такого себе позволить не могли.

Любили мы Светлое Христово Воскресение. Казалось, что Пасха всегда приходилась на солнечный теплый весенний день. После поста вдоволь наедались. Помогали, а скорее мешали маме, Ульяне Ивановне, красить пасхальные яйца. Пробовали горячую, с пылу-с жару стряпню, разные ватрушки. Бегали по соседям с поздравлениями «Христос воскрес». Вместе с ответом «Воистину воскрес» нас угощали гостинцами. С нетерпением ждали праздничный обед. Отец брал в руки Евангелие и читал вслух молитву. Все крестились. Эти отцовские священные книги храню до сего дня.

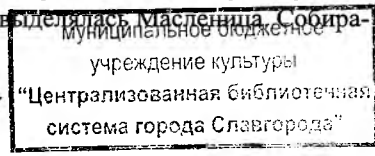
В Троицу приносили из березового колка зеленые ветки. Ими украшали комнату. На Троицу берегли старую жирную курицу, которая не неслась. Борщ из нее получался самым вкусным на свете.

Чай да кофе крестьяне не пили. Зимой, особенно к празднику, варили узвар. Для его приготовления использовали сушеные ломтики моркови и свеклы, паслен. Все это варилось, и получался безумно ароматный и приятный напиток. Его подавали горячим к праздничному столу. Прекрасно понимаю, какое это было счастье для мамы приготовить вкусный и обильный обед к праздникам, видеть наши детские веселые и радостные лица, довольную улыбку отца, который любил и гордился милой и обаятельной женой. Мы всегда благодарили маму за замечательную еду.

Среди праздников озорством, играми выделялась Масленица. Собира-

17
86 902-2

лись на пустыре всей деревней. Здесь проходили скачки. У некоторых состоятельных односельчан имелись верховые лошади. Заезды сопровождались одобрительными криками и взрослых и детей. На приз складывались всей общиной. Конные игры – удивительное, завораживающее действо. Азарт, скорость, взаимопонимание коня и всадника – в этом прелесть и зрелищность скачек и народных игр. Устраивались катания на кошевках. В каждую запрягалась пара лошадей – коренная и пристяжная. Кошевку порой делали всю зиму и так, чтобы смотрелась красиво и удобная была. Гордостью хозяина была и конская сбруя, ее украшали. На такой обнове, на холеных и резвых конях разъезжали на праздник всей семьей, дабы показать, как можно жить, отдавая все время труду и обладая умелыми руками.

Конечно, дети, да и взрослые не забывали Ивана Купалу. Обливались водой, смеялись и радовались знойному лету, теплу и солнцу.

Собираясь стайкой, мы, сельская детвора, мечтали, загадывали, рассуждали. Это когда устанешь от сбора кизяка или травы для теленка. Устремляли свои взоры в голубое и ясное небо. Запомнилось обилие божьих коровок в степи и в огородах. Их никогда не давили, а если сядет на ладонь – давали симпатичному насекомому наказ: «Божья коровка, полети на небо, принеси мне хлеба, черного и белого, только не горелого». В этой незатейливой детской песенке – вечное желание покушать вдоволь, мечта о хлебе насущном.

Воспитание в деревенских семьях шло не по педагогическим учебникам. Из поколения в поколение передавались трудолюбие, честность, доброжелательность. С малых лет приучали к посильной работе. Малыши помогали рвать траву, подрастали – вели прополку огорода, а трава шла на корм корове и теленку. Заготовка кизяка – обязанность ребенка в семье. В работе старшие дети присматривали за младшими, привлекая к полезному делу. Чуть подрос – когда 10-12 лет – помогаешь в заготовке сена, уборке урожая, других домашних работах по огороду и скотному двору, где требовались и сила, и навыки. Зимой мальчишки помогали управляться с живностью, подсобляли отцу в его ремесле и сами постигали азы мастерства. Девочки учились у матери готовить, шить, доить корову, вести домашнее хозяйство. В целом, в семье воспитывали ладить между собой и людьми, быть вежливым и благодарным. Все это приходило в детскую жизнь не через нотации, а на примере поведения родителей, взрослых. Упаси Боже в доме ругаться, нецензурных слов дети просто не слышали и не знали, ибо никогда и никто до такого разговора не опускался.

Библейские заповеди являлись законом жизни старших, их постигали, им следовали дети и молодежь.

Семейное согласие царило в каждом крестьянском доме. Возможно, случались недомолвки, обиды между супругами. Но такой сор ни в коем разе не выносился из избы. Любовь и верность оберегали, крепили, вышали семью.

Воспроизвести период единоличного ведения хозяйства нашим крестьянством во всех тонкостях – дело ученых. Я попытался рассказать о том, что запомнилось мне, что узнал от родителей, старших односельчан. В колхозное время сменился хозяйственный уклад, но мировосприятие, миропонимание крестьян, частнособственническая психология, как трактуют ученые, еще долго оставались неизменными. С уходом из жизни наших отцов и дедов изменилось и мировоззрение следующих поколений. Сегодня мы свидетели новой ломки сознания людей, живущих в сельской местности и занимающихся аграрным трудом. Но это не возвращение во времена единоличников, ибо это по определению невозможно.

СТРОКИ РОДОСЛОВНОЙ

В Знаменку в 80-х годах XIX века прибыл из южных губерний Российской империи, как тогда называли Малороссии, мой прадед Иван Ляшенко. Несладко жилось крестьянству в те годы на благодатных украинских землях. Эти места интенсивно осваивались, рождаемость в крестьянских семьях была довольно высокой. С каждым поколением дробился земельный надел, постепенно превращаясь в махонький участок, пятачок. Становилось людей, как вареников в кастрюле. Безземелье, безлошадность, крайняя бедность, периодический голод выдавливали часть крестьянской массы на бескрайние просторы Сибири. Это сегодня идеализируют царскую Россию конца XIX – начала XX веков. Кто бы сорвался с насиженных мест и двинулся в неизвестность, каторжную Сибирь, коли не беспросветная нужда, голод, который косил крестьян миллионами, похлеще политизируемого ныне «голодомора» 30-х годов. От безвыходности уезжали украинские крестьяне в далекую Сибирь. И провожали их оставшиеся родичи как в последний путь, понимая, что свидеться никогда более не придется. У Ивана Ляшенко уже была семья, мужик он был крепкий, с характером, мастер на все руки. Его сыну и моему деду Трофиму не исполнилось тогда и 10 лет. Дорога в Сибирь стала долгой. Покинув ранней весной родную хату, вглубь Кулундинской степи добрались лишь летом. Обосновались в небольшом селе Знаменка, которое уже заселялось укра-

инцами. От ранее прибывших сюда земляков и узнал Иван Ляшенко о пустующих землях, которые на нови дают гарный урожай.

На новых местах крестьянам жилось очень тяжело, но другого бытия народ и не ведал. Знал, что трудиться надо из всех сил и каждодневно. Видный русский писатель, украинец, проведший несколько лет в 70-80-х годах XIX века в сибирской ссылке, В.Г.Короленко метко охарактеризовал жизнь «пашенного крестьянина», который «работал...страшно, жил бедно, терпел голод и холод».

Мой прадед, а также дед и отец никогда не курили и не пили горилку. Они всегда были заняты делом, каждый владел различными ремеслами. Дед, Трофим Иванович Ляшенко, прожил долгую жизнь и умер в начале 50-х годов, а бабушка, Мария Григорьевна, дожила до 102 лет. Чуть не дотянул до векового рубежа мой отец Евдоким Трофимович, он родился в 1905 году. Мать, Ульяна Ивановна, в девичестве Пикуль, прожила более 80 лет.

Мое детство прошло рядом с дедом и бабушкой. Дедушка слыл лучшим шорником в округе. Сбрую для своих лошадей всю делал своими руками, разве что деревянную основу для хомута заказывал у плотников. Но обшивал его кожей сам. Дед Трофим считался истинным ценителем лошадей, издали он мог дать характеристику коню, отметить его хорошие качества, разглядеть недостатки. Одним словом, только глянет оком и сразу скажет какой конь. Любил он ухаживать за лошадьми, откармливать их, готовить к скачкам. Помню, рассказывал дед мне о достоинствах беговых лошадей. Есть двусаповые кони, у которых в каждой ноздре по два отверстия, им легче бежать, они быстрее могли восстановить дыхание после бегов.

У деда в Знаменке имелось крепкое хозяйство, большая семья: четверо сыновей и три дочери. Все они родились в Знаменке, селе на берегу Кулундинского озера. Старшей в семье была моя тетя Ефросинья, которая родилась в 1900 году, а младшими – тетки Анна и Марфа, родившиеся после революции. Между ними шли сыновья – Михаил, Евдоким, Федор и Константин, которые родились еще до первой мировой войны. Три моих дяди участвовали в Великой Отечественной войне, а Федор и Константин погибли на фронте. Мой отец не служил в армии. Еще по молодости он как-то верхом ехал по проселочной дороге вдоль лесополосы, неожиданно прямо перед лошадью вылетела из кустов ворона, лошадь испугалась, рванула вскачь, отец не удержался в седле, а нога застряла в стремях. Отец тогда серьезно повредил руку и был признан негодным к военной службе. Из внуков деда Трофима на фронте довелось воевать только мне.

Дед еще в Знаменке построил себе большой деревянный дом из двух комнат, с отдельной кухней, кладовкой. После переезда в 1926 году в выселок Первомайский дед соорудил, как и все переселенцы, пластанку-землянку, затем уж разобрал в Знаменке свой деревянный дом и вновь собрал его на новом месте в Первомайском. Хозяйство у дедушки и здесь было приличное, ходил он в зажиточных середняках. В конюшне стояли лошади, имелись бричка, а также арба – телега с решетчатыми откидными бортами для перевозки копен зерновых с поля во двор, сена и соломы. Молотилки с конным приводом у него не было, ее ждали по очереди в каждом крестьянском дворе, где подсыхало зерно в копнах. Зимой деду доводилось на фурах возить на продажу хлеб в Камень, откуда на баржах и пароходах оно транспортировалось дальше.

После коллективизации в домашнем хозяйстве деда имелись дойная корова, теленок, овцы, куры. Бычка держали на откорме на мясо, а телочку, по обыкновению, меняли с выгодой на бычка. Буренка у деда была хорошая, давала много молока вкусного и жирного. Мои предки знали толк в кормах, заготавливали отборное, зеленое и пахнущее разнотравьем сено, всегда имели запас размола и отрубей. Поэтому, если корова отелилась телочкой, за молодняком сразу приходили для обмена. У бабушки на кухне всегда были молоко, сметана, масло, мясо, яйца. В конце зимы – начале весны коровы обычно стояли стельные и не давали молока. В холода излишки молока, разлитые в чашки, выставляли на мороз, а потом, когда не было с месяц молока в домашнем подворье, заносили по чашечке, разогревали и использовали для приготовления каши или как добавку в чай.

В сарае у деда всегда содержалось с десяток овец. Баранье сало вытапливали, пережаривали с луком и выставляли застывать, а зимой кусочек такого сала придавал супу или каше очень приятный вкус. Все лето дед не расставался с литовкой, выкашивал неудобицы, косил, где только можно и разрешали. Оттого и сено у него было отменным и в достатке.

Сейчас, вспоминая дедушку и бабушку, могу сказать: семейный бюджет они вели очень разумно, планоно. Дед – всегда на ногах, чуть скуповатый, бабушка – шустрая, умелая и экономная хозяйка. У них четко были распределены обязанности: все тяжелое – за дедом, все домашние, огородные и кухонные дела – за бабушкой. Оттого лад, мир и согласие царили в семье.

Главное же, они и всем детям привили любовь к труду и земле, стремление освоить крестьянские ремесла, быть настоящими хлеборобами и хозяевами в доме. Все отцовы братья и сестры стали честными и добросовестными людьми, примерными работниками, мастерами в своем деле.

Глава II. ГРАНИ БЫТИЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Что только не пришлось услышать и прочесть о коллективизации. От добротных искренних книг, как «Поднятая целина» Шолохова, до грязной стряпни ушлых и продажных борзописцев. Даже воспоминания свидетелей той поры умудряются перевернуть сочинители «новой истории». Тенденциозно комментируются архивные документы. Выхватываются только отрицательные моменты и явления, а затем раздувают их до кровавого трагизма, напрочь упуская и игнорируя всесторонность жизни, человеческого бытия, социально-экономических процессов.

Коллективизация прошла по всей крестьянской массе, затронула всех и каждого в отдельности. И хотя бы только по тому, что ломала вековые коренные устои крестьянского мира. Не мог человек за короткое время изменить не только свои взгляды, сознание, поведение, глубинную внутреннюю сущность, но даже внешние действия и поступки.

Наверное, свои особенности имела коллективизация в деревнях центральной России и в казачьих станицах Дона и Кубани, на Украине и на Кавказе, в кишлаках Средней Азии. Да что там говорить о дальних краях. У нас, в Кулундинской степи, по-разному проходила и воспринималась коллективизация в украинских селах, русских деревнях, немецких поселках, казахских аулах.

Есть сегодня такое определение – менталитет народа или, как раньше говорили, национальные особенности. Эти различия проявлялись и во время коллективизации.

В нашем Первомайском, моем родном сибирском украинском селе, были свои характерные приметы. Выселок Первомайский образовался в канун сплошной коллективизации, в 1926 году, и его жителями стали простые крестьяне, проживавшие прежде в Знаменке и некоторых окрестных селах.

Первая особенность имущественного состава населения – полное отсутствие кулаков. Ими в поселке и не пахло, ибо кулак жил и паразитировал среди бедняцкой прослойки, его не привечали в середняцком кругу. Под кулаком подразумевали стяжателя, жадного и жестокого мироеда, ростовщика, закабалавшего крестьян. Традиционно это плут, негодяй, обманщик. Среди народа кулаком считали того, кто сам не трудился, а вел хозяйство с привлечением работников. Это потом уже клеймо кулака могли навесить на любого, кто в страдную пору нанимал батрака в помощь.

Условно крестьянскую общину Первомайского я разделил бы на три приблизительно равные части: крестьяне с крепким хозяйством, сельчане со средним достатком и бедняки.

Где-то процентов 40 первомайцев жили, если так можно выразиться, зажиточно. Они имели деревянный дом, амбар, добротный скотный двор с конюшней и коровником, в которых стояло до десятка лошадей, пять-шесть дойных коров. Кроме того, держали такие хозяева и телочку с бычком, свиней, овец, птицу. Одним из таких крепких крестьян был Кирилл Лоза. Это был трудолюбивый хозяин. Все четыре его сына владели плотницким и кузнечным ремеслом, были сильными парнями, для которых день ходить за плугом – тяжелый, но в радость труд. Дружная семья, где умение и сноровка каждого слагалась в единую, мощную силу. Кирилл Лоза уверенно держал «вожжи» хозяйства. В собственности семейство Лозы имело лобогрейку, сенокосилку, плуг, бороны, фуфтель. Однако молотилки, даже в его солидном хозяйстве, не было, и вообще в селе такую технику никто не имел. Возможно, в период молотьбы ее арендовали, а скорее всего дело шло, как и у всех первомайцев. Свозило хлебные снопы на овин да молотили, используя конный привод.

Сельчане со средним достатком ограничивались одной-двумя дойными коровами, одной или от силы парой лошадей, поросенком, несколькими овцами да десятком кур. Это в лучшем случае.

У бедняков же, а это треть жителей поселка, по обыкновению не было лошади. Хорошо, если в сарае стояла корова да сидели на насесте две курицы. О поросенке и ягненке речи в бедняцком хозяйстве быть не могло.

Не слишком разнородная по своему достатку наша крестьянская община жила в мире и согласии. У предприимчивых, хватких хозяев получалось лучше. Кому-то просто светила удача, сопутствовал успех. Кто-то всегда оказывался в нужное время на нужном месте. Были и несчастливые, кому не везло в жизни, преследовали беды, болезни. Таких жалели, им помогали. Люди скорее почитали крестьянина, достигшего благополучия упорным трудом, нежели завидовали ему. Крестьяне, а затем колхозники имели одинаковый достаток, были бедны, скромны и неприхотливы в своих желаниях. Меньше было зависти и злобы, ненависти и вражды. Это в богатстве процветает неравенство, всегда у кого-то что-то больше. Жажда превосходства, скопидомство, культ наживы порождают завистливость, презрительность, заносчивость, высокомерие, безжалостность.

Перебираю в памяти своих земляков. Но никому не могу наклеить ярлык изворотливого и пронырливого, нечистоплотного и бессовестного. Ни о ком не могу сказать, что у него выросли не отсюда руки, что лентяй или беспробудный пьяница. Ценили и уважали мы мастеровых, умелых

С полным текстом можно ознакомиться
в Центральной городской модельной библиотеке
г. Славгорода Алтайского края
по адресу: Алтайский край, г. Славгород,
улица Луначарского, дом 144
тел. (38568) 5-44-26